

Седьмой месяц, время палящего зноя — самого настоящего, иссушающего зноя.

Академия Цинъюнь расположилась на склоне горы, где по идее должно быть прохладнее, чем у подножия, но в этом году жара стояла особенно свирепая. Даже горный ветер, обжигая лицо, казался ударом кулака. Плиты из синего камня раскалились настолько, что жар пробивался сквозь подошвы обуви.

Едва минул полдень, как учебный корпус «Чжу» превратился в душную пароварку. Воздух стал таким вязким, что, казалось, его можно выжимать, а каждый вдох обжигал легкие.

Смотритель академии, не щадя себя под палящим солнцем, разносил по корпусам лед. В крошечных глиняных плошках, размером с ладонь, лежали жалкие кусочки, от которых исходил едва заметный парок — в такой зной это было поистине бесценное сокровище.

Линь Янь, словно утопающий, ухватившийся за соломинку, почти бросился навстречу, забирая свою порцию.

Он прижал плошку к груди, и прохлада, просочившаяся сквозь пористую глину, заставила его с облегчением выдохнуть. Не теряя ни секунды, он поставил лед на стол и, придвинувшись вплотную, жадно ловил слабые струйки холода.

— Ах, я снова ожил... — он прикрыл глаза, издавая блаженный стон. Холод, исходивший от плошки, словно невидимыми пальцами разглаживал его нервы, натянутые до предела жарой.

Однако в схватке с летним зноем этот лед оказался не прочнее бумажного листа.

Не прошло и получаса, как Линь Янь с грустью наблюдал, как лед на глазах уменьшается, тает и, наконец, превращается в лужицу воды, из которой испарился даже последний намек на прохладу.

— ... — Линь Янь уставился на воду, и его лицо поникло, словно побитый морозом баклажан.

Он раздраженно потрепал влажные от пота виски. Казалось, только что подавленная жара нахлынула с новой силой, еще яростнее, чем прежде.

Он обмяк на стуле, словно выброшенная на берег рыба, и принялся обмахиваться воротом одежды, но ветер от него шел лишь горячий.

Его взгляд невольно метнулся к соседу.

На столе Се Сяо стояла точно такая же плошка.

Лед в ней хоть и подтаял, но большая часть все еще упрямо сохраняла форму, источая манящий холодный туман.

Се Сяо сидел прямо, воротник его темно-синего халата был застегнут на все пуговицы, будто он совсем не чувствовал этой удушающей жары. В руках он держал книгу, взгляд его был спокоен, и лишь левая рука под краем стола иногда едва заметно двигалась, словно делая пометки.

Для изнывающего Линь Яня этот ледяной туман был как живительный источник в пустыне! Он облизнул пересохшие губы и больше не смог усидеть на месте.

Подобно щенку, почуявшему кость, он, шаркая ногами, с поникшим видом, но четкой целью, придвинулся к соседу.

Он прижался к локтю Се Сяо, почти всем телом навалившись на его стол.

Голова Линь Яня оказалась совсем близко, он заворожено смотрел на лед, едва не касаясь носом края площадки. Прохлада проникала в ноздри, немного смягчая зной.

— Фух... — Линь Янь блаженно прищурился. Он смотрел на кристально чистый лед, и его пальцы непроизвольно потянулись вперед, желая подцепить кусочек, чтобы положить его в рот или прижать к горячему лбу.

В тот самый миг, когда его пальцы почти коснулись ледяной глади —

Рука с четко очерченными костяшками оказалась быстрее!

Левая рука Се Сяо метнулась, словно молния. Не глядя на Линь Яня, он с естественным, но непрекращаемым усилием отодвинул глиняную площадку в самый дальний угол стола!

Раздался резкий скрежет.

Прохлада мгновенно исчезла!

Рука Линь Яня застыла в воздухе.

Он резко поднял голову и посмотрел на Се Сяо.

В его глазах, подернутых дымкой от жары, отразилась такая безмерная, неприкрытая скорбь и немой укор, что он стал похож на щенка, у которого безжалостно отобрали сахарную косточку.

— Брат Се... — голос его звучал жалобно, с обидной протяжностью, — ну хоть кусочек... слишком уж жарко...

За окном цикады надрывались на ветвях деревьев: Жарко! Жарко! Их оглушительный стрекот сводил с ума.

Се Сяо продолжал сидеть в прежней позе, даже не подняв глаз.

Лишь костяшки правой руки, сжимающей книгу, побелели от напряжения, выдавая его внутреннее беспокойство. Указательный палец левой руки, спрятанный под столом, тоже замер.

Его тонкие губы были плотно сжаты, линия челюсти напряглась, он словно не слышал ни мольбы соседа, ни шума за окном.

Однако Линь Янь отчетливо увидел, как на кончиках пальцев правой руки Се Сяо, сжимающей кисть, выступили крошечные капельки пота, поблескивающие в тусклом свете масляной лампы.

...

Послеполуденное солнце палило еще нещаднее, даже листья бамбука поникли и свернулись. В учебном корпусе стало как в печи, а кровати превратились в раскаленные лежанки.

Линь Янь ворочался на своем матрасе, обитом шелком, словно лепешка на сковороде. Матрас впитал в себя жар, и лежать на нем было сущим мучением. Пот пропитал одежду, она липла к телу, вызывая лишь раздражение.

Он с досадой сел, взъерошив влажные волосы. Взгляд упал на кровать напротив — кровать Се Сяо. Тонкая бамбуковая циновка и выцветшее одеяло из грубой ткани выглядели куда свежее.

Мысль возникла мгновенно.

Линь Янь соскочил с кровати, подхватил свою толстую циновку и подушку, и с самым невозмутимым видом направился к кровати Се Сяо. Он расстелил подстилку прямо на каменном полу у подножия и бросил туда подушку.

— Брат Се, у тебя здесь прохладнее! — заявил он, раскладываясь с важным видом. — Я тут немного полежу, честное слово, шуметь не буду!

Не дожидаясь ответа, он юркнул на циновку, накрылся одеялом и с наслаждением выдохнул. Холод камня, пробивавшийся сквозь циновку, принес долгожданное облегчение.

Се Сяо, который полулежал на кровати, прикрыв глаза (или, вернее, разбираясь с данными на световом экране), приоткрыл один глаз и бросил взгляд на этого наглеца, захватившего его территорию с таким видом, будто так и надо.

Его брови едва заметно дрогнули. Он промолчал и снова закрыл глаза, хотя дыхание стало чуть тяжелее обычного.

Сначала Линь Янь лежал смирно, но пол был жестким и неприятно давил в бока. В полудреме он неосознанно потянулся к источнику тепла, который казался уютнее и надежнее.

Се Сяо, пребывая в полусне, почувствовал, как край кровати слегка прогнулся.

Следом за этим к нему прижалось горячее тело, ткань одежды, пропитавшаяся потом, коснулась его руки, а нога Линь Яня бездумно легла на его голень!

Се Сяо резко открыл глаза!

Линь Янь каким-то образом уже забрался на край его кровати! Он лежал, свернувшись калачиком, вплотную прижавшись к его руке, и крепко спал. Ровное дыхание, теплое и влажное, касалось его кожи.

Тело Се Сяо вмиг стало жестким, как сталь! Ему хотелось немедленно столкнуть этот источник жара, но, глядя на безмятежное лицо Линь Яня, чувствуя его тяжесть и мерное дыхание, он ощутил глубокое бессилие.

Он застыл, слушая безумный стрекот цикад за окном и ощущая жар, исходящий от этой «печки» рядом. В конце концов, он едва слышно вздохнул и, смирившись, снова закрыл глаза.

Привычка... поистине страшная вещь.

...

В изнуряющую жару единственным утешением для Линь Яня был сливовый отвар из столовой, охлажденный в глубоком колодце. Темно-красный, прозрачный, кисло-сладкий и ледяной — одна чашка, и все тело наполнялось блаженством.

Однажды вечером Линь Янь раздобыл большой кувшин этого напитка, спрятался в комнате и, припав к горлышку, выпил больше половины. Холодная жидкость, скользя по горлу, прогнала зной, и он довольно прищурился.

— Ха! Хорошо-то как! — он утер рот, спрятал остатки в прохладном углу под кроватью, решив допить ночью.

Однако эта минутная слабость обернулась ночными страданиями.

— М-м... — среди ночи Линь Янь проснулся от резкой боли в животе.

Боль была острой, словно кто-то невидимый с силой скрутил его внутренности, ледяные и жесткие. Он свернулся в клубок, обхватив живот руками. На лбу выступил холодный пот, лицо в темноте стало мертвенно-бледным.

— С-с... больно... — из горла вырвался стон, полный муки.

В темноте раздались шорохи с соседней кровати. Зажглась лампа, разгоняя тьму тусклым светом.

Се Сяо сел, его лицо выглядело еще суровее обычного, брови были нахмурены. Он посмотрел на Линь Яня, корчащегося от боли, и его взгляд стал острым.

— Что случилось? — голос звучал низко, с хрипотцой спросонья и нотками раздражения.

— Жи... живот болит... — Линь Янь всхлипнул, как раненый зверь, холодный пот заливал виски.
— Очень больно... как будто... как будто ледяные иглы колют...

Се Сяо смотрел на его бледное лицо и сжавшееся тело, и раздражение в глубине его глаз быстро сменилось холодной решимостью. Он откинул одеяло, встал, налил чашку теплой воды и подошел к кровати соседа.

— Пей. — голос оставался холодным, почти приказным, он поднес чашку к губам Линь Яня.

Линь Янь, дрожа от боли, маленькими глотками пил теплую воду.

Жидкость, скользнув в ледяной желудок, немного уняла острую боль, но следом пришла новая волна холода, выворачивающая нутро.

— Холодно... — он задрожал, зубы застучали, и он инстинктивно сжался под одеялом.

Се Сяо, глядя на это, нахмурился еще сильнее. Он поставил чашку и сел на край кровати. Поколебавшись секунду, он все же протянул руку и, поверх промокшей от пота одежды, положил ладонь на холодный, напряженный живот Линь Яня.

Под ладонью ощущалась упругая, горячая кожа юноши, которая мелко подрагивала от боли. Через слой влажной ткани это ощущение было пугающе отчетливым.

Се Сяо заметно напрягся. Он почти перестал дышать, пытаясь своим теплом согреть это замерзшее, спазмированное место. Движения были неуклюжими, он механически, с умеренной силой, принялся растирать живот.

— М-м... — от теплой ладони и правильных движений боль, казалось, начала отступать.

Линь Янь разжал зубы и издал невнятный стон облегчения. В полузабытьи он инстинктивно накрыл своей ледяной ладонью руку Се Сяо, прижимая ее сильнее, и пробормотал:

— ...Брат Се... потри здесь... так хорошо...

Рука Се Сяо, ведомая Линь Янем, опустилась ниже, к самому пупку, в более мягкую область.

Кожа под ладонью была теплой, упругой, она мерно вздымалась при дыхании. Это полное доверие, эта незащитность, словно невидимый электрический разряд, прошли его через их соприкасающиеся руки.

Тело Се Сяо напряглось до предела, как натянутая тетива! Он хотел было отдернуть руку, но Линь Янь, хоть и ослабел, упрямо прижимал его ладонь, словно она была единственным спасением от мук.

В тусклом свете лампы уши Се Сяо на глазах окрасились в ярко-красный цвет, жар быстро перекинулся на шею.

Он сидел, не смея пошевелиться, чувствуя под ладонью теплое, дышащее тело и холодную руку Линь Яня, лежащую поверх его собственной.

Движения прекратились, лишь окаменевшая ладонь была вынуждена плотно прилегать к этому опасно горячему месту.

...

К вечеру палящее солнце наконец смягчилось, оставив после себя пылающий закат.

Под огромным старым фикусом в академии стало излюбленным местом для отдыха. Толстые ветви давали густую тень, а вечерний ветерок приносил едва уловимую прохладу.

Се Сяо сидел в одиночестве на старом каменном табурете. Камень был холодным и твердым, но в такую жару это было редким благом.

Он держал книгу, взгляд его был прикован к страницам, но пальцы под широким рукавом

скользили по световому экрану, записывая изменения в расписании дня учеников и способы их спасения от жары.

Послышались шаги.

Линь Янь с большим веером в руках, шаркая подошвами, подошел ближе.

Он посмотрел на табурет Се Сяо, потом на другой, пустующий рядом, и его лицо недовольно скривилось.

— Камень этот такой твердый, задницу отсидишь! — проворчал он и, ничуть не смущаясь, подошел к табурету Се Сяо и с размаху примостился рядом!

Табурет был узким, Се Сяо сидел посередине. От такого тесного соседства Линь Янь почти всем телом прижался к нему! Тепло его тела сквозь тонкую летнюю одежду беспрепятственно передавалось соседу.

Се Сяо миг окаменел! Он резко поднял голову, метнув в сторону Линь Яня острый взгляд.

Но Линь Янь, казалось, ничего не заметил. Он устроился поудобнее, прижавшись к Се Сяо еще плотнее, и довольно болтал ногами.

— Так-то лучше! Теснее — теплее! — сказал он, хотя имел в виду обратное, и принялся размахивать веером.

Ветер он, конечно, создал, но почти весь он доставался ему самому, лишь жалкие крохи долетали до Се Сяо. Линь Янь довольно прищурился, и пряди волос на его лбу забавно колыхались.

Се Сяо пришлось отодвинуться, наполовину зависнув в воздухе, в крайне неудобной позе.

Он смотрел на Линь Яня, который, получив желаемое, еще и вел себя как ни в чем не бывало, и у него на виске задергалась жилка.

Хотелось отчитать его, оттолкнуть, но при виде чистого лба юноши и его прищуренных, довольных глаз, холодные слова застревали в горле.

Вечерний ветерок шелестел в кроне фикуса. Вдали другие ученики сидели или лежали на траве, тихо переговариваясь.

На экране Се Сяо беззвучно прокручивались данные о положительном влиянии коллективного

отдыха на снижение стресса от жары.

Рядом чувствовался едва уловимый аромат мыла, исходящий от Линь Яня, смешанный с чистым запахом пота, и нескончаемый поток тепла, исходящий от его тела.

В конце концов, Се Сяо лишь едва заметно отодвинулся, освобождая крошечный клочок пространства, и снова уткнулся в книгу (или, вернее, в экран).

Лишь плотно сжатые губы и нахмуренные брови выдавали его беспокойное состояние.

Он заставлял себя сосредоточиться на данных, но отчетливо чувствовал, что теплое присутствие соседа и его ровное дыхание — как невидимая сеть, крепко сковавшая его в этом тесном пространстве.

...

Сгущались сумерки, и комары стали особенно свирепыми. У Линь Яня была нежная кожа, и он особенно привлекал насекомых. Не успел он посидеть под деревом и немного, как его предплечья покрылись красными волдырями. Зуд был нестерпимым, он постоянно чесался, и на белой коже тут же проступали яркие красные полосы.

— Проклятые комары! — Линь Янь с досадой чесался, его лицо было сморщено.

Се Сяо оторвал взгляд от книги и посмотрел на покрасневшие, местами расчесанные до крови руки Линь Яня. Его брови едва заметно дрогнули.

Он отложил книгу и достал из старого синего мешочка, который всегда носил с собой, маленькую плоскую черную шкатулку. Открыв крышку, он обнаружил там густую мазь темно-зеленого цвета с резким травяным запахом.

Он набрал немного мази на кончик пальца — она была приятно прохладной. Затем, с предельно естественным, хотя и слегка скованным движением, он перехватил запястье Линь Яня, который продолжал яростно чесаться.

— Не чеши. — голос был лишен эмоций, почти приказной.

Линь Янь, внезапно схваченный за руку, замер. Не успел он опомниться, как на самое красное и зудящее место на его руке легла прохладная, пахнущая травами мазь.

— С-с... как прохладно! — Линь Янь вздрогнул от неожиданного холода, но жгучий зуд мгновенно утих! — Хорошо-то как! — его глаза блеснули, и он перестал сопротивляться, позволяя Се Сяо держать свою руку.

Кончики пальцев Се Сяо, покрытые темно-зеленой мазью, умеренно надавливая, круговыми движениями втирали средство в кожу.

Движения были немного неуклюжими, подушечки пальцев изредка касались нежной кожи на внутренней стороне предплечья Линь Яня, вызывая легкое, приятное покалывание.

Линь Янь довольно прищурился, как кот, которого гладят против шерсти. Он смотрел на опущенные глаза Се Сяо и его сосредоточенное лицо, и вдруг подумал, что этот сердитый сосед, кажется, вовсе и не такой уж злой?

— Вот здесь! Брат Се! Тут еще один! Сильно чешется!

Линь Янь вошел во вкус, указывая на еще один укус, а потом протянул руку внутренней стороной локтя:

— И тут! Помажь тоже! Эта мазь просто чудо!

Се Сяо на мгновение замер. Он поднял глаза, встретившись с сияющим взглядом Линь Яня, который, казалось, кричал: помажь мне еще!, а потом посмотрел на его белые руки, покрытые красными следами.

Знакомое чувство беспомощности, смешанное с раздражением, снова нахлынуло на него.

Он молча опустил глаза. Ничего не сказав, он набрал еще мази и, смирившись, потянулся к следующему укусу.

Его пальцы с темно-зеленой мазью осторожно, миллиметр за миллиметром, покрывали горячую, нежную кожу, стараясь не задеть расчесанные до крови места.

Вечерний ветерок шелестел в листве фикуса. Сумерки укутали этот уголок под деревом.

Се Сяо, склонив голову, медленно водил пальцами по белой руке юноши, разглаживая следы от укусов.

Линь Янь блаженно щурился, иногда вздрагивая, когда пальцы касались чувствительных мест, и издавал довольные стоны.

Густой травяной аромат, смешанный с чистым запахом мыла, витал между ними, наполняя этот летний вечер, когда жара наконец отступила, а комары продолжали свое монотонное жужжание.

<http://bllate.org/book/19996/1971891>